

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ДАРЬЯ – 40 лет

АНДРЕЙ – 30 лет

В свадебном салоне на улице Луначарского, поздно вечером.

Свадебный салон на улице Луначарского. Просторный. Светлый.

Света много ещё и оттого, наверное, что весь салон заставлен манекенами с белоснежными свадебными платьями. Всё блестит фальшивыми китайскими бриллиантами.

В центре магазина стоит несколько «челночных» мешков, клетчатых.

Мешки под завязку забиты платьями, костюмами.

Среди мешков – стул, на стуле сидит **ДАША**.

Она в свадебном платье, на голове у неё корона с дешёвыми камешками. Даша сидит нога на ногу. Курит, пепел на пол стряхивает.

Напротив Даши стоит **АНДРЕЙ**.

Он в какой-то мешковатой грязной куртке из кожзаме- нителя, в стоптанных башмаках, в мятой кепке на голове.

Поздний вечер.

На улице время от времени, грохоча и позвякивая, про- бегают запоздалые трамваи, блестят в свете уличных фонарей. Там тополя на улице – они качаются от ветра и роняют на асфальт большие жёлтые листья.

Даша и Андрей долго молчат.

ДАРЬЯ (вдруг). А вы говорите: «Мелкая речка Урал!», Василий Иванович...

АНДРЕЙ. Что?

ДАРЬЯ. Ничего.

АНДРЕЙ. Целовать курящую женщину – всё равно что лизать пепельницу.

ДАРЬЯ. Ну?

АНДРЕЙ. Сказал Горький.

ДАРЬЯ. Ну не ты же, ясен перец.

АНДРЕЙ. Признаюсь, не я. Горький сказал: «Целовать курящую женщину – всё равно что лизать пепельницу!» Понимаешь?

ДАРЬЯ. Ну целовал же. Лизал же.

АНДРЕЙ. Повторяю: «Целовать курящую женщину – всё равно что лизать пепельницу!» А ты, Дашенька, куришь!

ДАРЬЯ. И что мне теперь: обосраться и не жить?

АНДРЕЙ. Фу!

ДАРЬЯ. Фу-фу.

АНДРЕЙ. Так вот, что касается этого дела... Я не виноват ни в чём. Ты сама всё сделала, Дашенька.

ДАРЬЯ. Конечно.

АНДРЕЙ. А кто ещё?

ДАРЬЯ. Никто.

АНДРЕЙ. Сама. Сама!

ДАРЬЯ. Папин бродяга. Мамин миляга.

АНДРЕЙ. Прекращай уже!

ДАРЬЯ. Я давно прекратила. А ты что так одет? Ты что как на Северный полюс собрался?

АНДРЕЙ. Я всегда так ходил, в такой одежде, Дашенька.

ДАРЬЯ. Что, правда? Какой-то бурдюк, зимогор просто, бомжара. А почему я не замечала? Это же ужас.

АНДРЕЙ. Ты давай только без фанатизма. Не знаю, куда ты смотрела. Не на меня, наверное.

ДАРЬЯ. Чего?

АНДРЕЙ. Того. Ну так вот. Что касается этого дела... Дак что ты мне звонила, зачем вызывала?

ДАРЬЯ. Я разве тебе звонила? Ты разве не сам приехал?

АНДРЕЙ. Ты звонила. Посмотри в свой телефон, в исходящие, Дашенька.

ДАРЬЯ. Нету телефона. Продала его. Тоже.

АНДРЕЙ. Ты звонила! Так вот, что касается этого дела, по которому я пришел сюда... Дашенька, я же сказал тебе, что я тебя больше не люблю.

ДАРЬЯ. Ну.

АНДРЕЙ. Ну, любил раньше. Разлюбил теперь. Ну, это же нормально, нет?

ДАРЬЯ. Ну?

АНДРЕЙ. Любил – разлюбил. Раньше любил, а теперь – разлюбил. Теперь – разлюбил. Но ведь когда-то же – любил! И поэтому давай разойдёмся мирно. Понимаешь?

ДАРЬЯ. А вы говорите: «Мелкая речка Урал!», Василий Иванович.

АНДРЕЙ. Ну хватит уже, Дашенька. Не смешно.

ДАРЬЯ. А мне смешно. Какая же я дура. Масаkra полная. Знаешь, что это такое? Это когда полный финиш. Нет перевода на русский. Резня, конец, финиш, трындец, пропасть, провал, жесь, адище, капец, блин. Ну, и еще...

АНДРЕЙ. Хватит.

ДАРЬЯ. Дай договорить!

АНДРЕЙ. Я уже понял. Хватит! К чему ты про это, Дашенька?

ДАРЬЯ. А я и не знаю. Начала говорить и забыла: зачем я это говорила? Не знаю. Ничего не знаю. Знаю только, что полная масакра в моей жизни наступила.

АНДРЕЙ. Я просил: без фанатизма.

Даша встала.

Идет к манекенам, проводит пальцем по платьям.

Идёт, теревит юбки, трогает манекены.

ДАРЬЯ. Слушайте, девки, а! Вы замуж собрались, а? Не надо, пожалуйста. Вы слышите, нет? Нет, не меня, а его – вы слышали то, что он сказал? Он любил, но теперь – разлюбил. Понимаете?

АНДРЕЙ. С кем ты разговариваешь?

ДАРЬЯ. С невестами.

АНДРЕЙ. К чему это? Прекращай этот спектакль, Дашенька.

ДАРЬЯ. Нет, вы слышали? Он любил, но теперь разлюбил. Андрюшенька, дорогой! Ну, тогда верни мне все мои игрушки, раз мы с тобой расстаемся, а? Поиграли и верни, а? Я уйду из твоей песочницы, отдай мне мои игрушки!

АНДРЕЙ. Ну я же просил без фанатизма! Что еще?

ДАРЬЯ. Забирай свои игрушки, отдавай мне мой совок! Не хочу с тобой, подружка, здесь играть! Тут мой песок!

АНДРЕЙ. Ты что, чокнулась, Дашенька?

ДАРЬЯ. Нет, там, тогда, в детстве, мы не так говорили! Там было не так! А вот как было: «Ты мне больше не подружка, ты мне больше не дружок, не играй в мои игрушки и не писай в мой горшок! Мама купит мне козу, я тебе не показу! А козу зовут Маруся, я сама её боюсь!»

АНДРЕЙ. Ну всё, я пошёл. И зачем вот ехал? Про козу слушать?

ДАРЬЯ. Стой.

АНДРЕЙ. Что, Дашенька? Что касаясь этого дела, я тебе скажу... Дашенька, мы прожили с тобой год, у меня были проблемы с бизнесом. Но ты – спасибо тебе! – выручила, подарила мне машину, я ее продал, и всё!

ДАРЬЯ. Что – всё?

АНДРЕЙ. Всё теперь хорошо!

ДАРЬЯ. А ещё я переписала на тебя квартиру, и ты её тоже продал.

АНДРЕЙ. Ну да, правда.

ДАРЬЯ. Я теперь снимаю комнатёшку в коммуналке. А ещё я отдала тебе все мои деньги, все накопления. А ещё я взяла бешеные кредиты, и теперь я закрываю мой свадебный салон, мой бизнес, который я десять лет назад создала с нуля. Закрываю потому, что мне нечем платить за аренду. Я даже телефон продала. У меня нет ничего. Нуль.

АНДРЕЙ. Ну да. Это правда.

ДАРЬЯ. Правда?

АНДРЕЙ. Ну, я же не просил тебя, ты сама это сделала, Дашенька.

МОЛЧАНИЕ.

ДАРЬЯ. Правильно. Потому что, едва мы с тобой познакомились, началось что-то странное. Когда у тебя кончились деньги на цветы для меня и на рестораны, ты начал плакать по ночам. Наверное – да нет, не наверное, а конечно! – не плакал, а играл! Играл, эдак, отвернувшись ночью к стенке, всхлипывал и будил меня, а я, добрая душа, просыпалась в ужасе и спрашивала: «Андрюша, что с тобой, что случилось?!»

АНДРЕЙ. Не так, Дашенька. Не передёргивай. Зачем ты всё время передёргиваешь, Дашенька? Ты проснулась тогда, в первый раз, и сказала: «Что такое? Ты плачешь?» Так ты сказала. Я очень хорошо это запомнил. Потому что я тогда – любил тебя. Такое не забывается. Но теперь я тебя – разлюбил.

ДАРЬЯ. Ну да. И ты сказал мне: «Да я так!» И потом продолжал эту пытку неделю. А потом стал жаловаться. Да так искренне, с такой слезой стал рассказывать, что тебе не хочется жить, что ты встретил наконец человека – нет! – главного человека в своей жизни, свою половинку, ради которой ты жил до сорока лет, встретил, и вот – надо уйти из жизни, покончить жизнь самоубийством! Потому что – потому что! – у тебя нет сил, ты загнан в угол проблемами с бизнесом. Так?

АНДРЕЙ. Так.

ДАРЬЯ. И ты стал обсуждать со мной, как тебе уйти из жизни: купить пистолет, выпить яду или прыгнуть с десятого этажа. Так?

АНДРЕЙ. Ну хватит.

ДАРЬЯ. Да, дорогой. Я вот сейчас рассказываю и сама не верю, что я повторяю эти слова, а точнее, не верю, что

я могла на это клюнуть и купиться на чушь, которую приносил твой поганый рот.

АНДРЕЙ. Я бы попросил...

ДАРЬЯ. Я вот тоже – попрошу: заткни своё хлебалово, а? Как я могла поверить? Как? И как я могла отдать тебе всё, как?

АНДРЕЙ. Я не просил, Дашенька.

ДАРЬЯ. Ты не просил. Нет, ты не просил! Но ты знал психологию одинокой бабы, которая тоже подумала, что наконец-то нашла своего суженого-ряженого. И вот вдруг эта баба видит, что у её любимого – проблемы. А проблема в каких-то бумажках, напечатанных в Гознаке. «Да к чёрту эти бумажки, – говорит она, – к черту, ради единственной и прекрасной любви!» К черту! «На, забери!» – сказала я и отдала тебе всё!

АНДРЕЙ. Повторяю: я не просил. Ты сама.

ДАРЬЯ. Вы посмотрите на него: настоящий полковник, а! Ну как я могла, как?! Ну, он загипнотизировал меня, наверное, да? Иначе это ничем, ничем и никак не объяснить.

АНДРЕЙ. Дашенька, ты не обижайся на правду, но я её тебе скажу.

ДАРЬЯ. Правду ты мне скажешь?

АНДРЕЙ. Да. Что касается этого дела... Ты любила меня и потому так поступила. Всё ты правильно сделала, Дашенька, моя миленькая. Ты любила. А любовь – это поступки.

ДАРЬЯ. Тварь, тварь, не разговаривай со мной статусами из «Контакта», не цитируй интернет, придурок, а!

АНДРЕЙ. Нет, Дашенька. Это слова, которые пришли мне в голову вместе с моим житейским опытом.

ДАРЬЯ. С житейским опытом? Ну да. Я же не одна такая была, для которой ты плакал ночами и говорил, что вот – проблемы с бизнесом, помоги, потому что любовь – это поступки, да? Ну, не одна ведь, как выяснилось?

АНДРЕЙ. Нет. Не одна. Понимаешь, Дашенька, любовь способна со дна океана...

ДАРЬЯ. Да не бараю мне мозги!

АНДРЕЙ. Я не бараю. Я делюсь с тобой моим житейским опытом. Пойми: «Любовь не вздохи на скамейке и не прогулки при луне...»

ДАРЬЯ. Я сказала: заткни хлебалово, ну!

АНДРЕЙ. Нет, я договорю! «Любовью дорожить умейте! С годами дорожить вдвойне! Любовь не вздохи на скамейке! И не прогулки при луне! Все будет: слякоть и пороша. Ведь вместе надо жизнь прожить! Любовь с хорошей песней схожа, а песню не легко сложить».

МОЛЧАНИЕ.

Вот так, Дашенька.

ДАРЬЯ. Что?!

АНДРЕЙ. И еще, Дашенька, должен тебе сказать: «Любить – это значит: вглубь двора вбежать и до ночи грачьей, блестя топором, рубить дрова, силой своей играючи. Любить – это с простынь, бессонницей рваных, срывать, ревнуя к Копернику, его, а не мужа Марьи Ивановны, считая своим соперником...»

ДАРЬЯ. Что?!

АНДРЕЙ. «Нам любовь не рай да кущи, нам любовь гудит про то, что опять в работу пущен сердца выстывший мотор...»

МОЛЧАНИЕ.

ДАРЬЯ. Да что это такое, мне кто-то объяснит?!

АНДРЕЙ. Я ведь могу и добавить к тому, что я сказал, следующее...

ДАРЬЯ. Ну кто-нибудь, эй, девочки, заткните ему фонтан, а! Слушай, ты! Я ведь недавно узнала, что у тебя есть жена и двое детей, и, мало того, у тебя есть еще одна дура, такая же, как я, – в любовницах! И поразительно, что они сговорились, созвонились и обе пришли ко мне неделю назад. Вот тут они стояли! На этом самом месте, где ты сейчас стоишь. Понимаешь?

АНДРЕЙ. Я знаю.

ДАРЬЯ. Ну вот, вот! Они стояли, их жалко было, но почему вот ты на этом самом месте стоишь и не провалишься, а?! Почему в тартарары не уйдешь, а?

АНДРЕЙ. С чего я должен уходить?

ДАРЬЯ. Девушки твои покопались в твоём телефоне и нашли друг друга. А потом и меня. Не знаю, может, и еще кого нашли бы, если бы покопались дальше. Да я уверена, что нашли бы, я не думаю, что нас только трое, нас больше...

АНДРЕЙ. Нет, вас только трое. Всего лишь.

ДАРЬЯ. Вот, они пришли и потребовали – каждая! – отдать тебя им.

АНДРЕЙ. И что ты им сказала?

ДАРЬЯ. «Берите, намазывайте на хлеб, жуйте!» – я им сказала.

АНДРЕЙ. Как грубо.

ДАРЬЯ. Слушай, ты понимаешь, что ты тварь и подонок, негодяй и аферист, ты осознаешь это или тебе кажется, что всё нормально?!

АНДРЕЙ. Мне кажется, что всё нормально. Пойми, Дашенька: всякий от своего меча и погибнет. Очень мудрая поговорка. И, потом, запомни на будущее: все мужчины полигамны. (Пауза.) А женщины – моногамны.

ДАРЬЯ. Что?!

АНДРЕЙ. Ты не поймёшь.

ДАРЬЯ. Ну конечно, я же дура!

АНДРЕЙ. Это ты сказала, не я. Знаете что? Говорите, что хотите, а у меня свой путь.

ДАРЬЯ. Это что, опять статус из контакта?

АНДРЕЙ. Короче. Я извиняюсь, но мне надо идти.

ДАРЬЯ. Да кончай ты тут камасутриться! Йок уже всё, йок, понимаешь?! Ты не человек, а сундук сказок! Хватит! Ты в глаза, в глаза мне посмотри, ты можешь в глаза мне посмотреть?

АНДРЕЙ. А я и смотрю, Дашенька.

ДАРЬЯ. А я и вижу, что ты смотришь и тебе хоть бы что.

АНДРЕЙ. Ну хватит орать. Что ты разоралась? Дом жилой, соседей сверху разбудишь! Заткнись! Помолчи! Рот будешь открывать у стоматолога!

ДАРЬЯ. Чего?

МОЛЧАНИЕ.

АНДРЕЙ. Ну извини, ты меня рассердила. Очень рассердила. (Пауза.) Дашенька, а что у тебя тут, в мешках?

ДАРЬЯ. А тебе что?

АНДРЕЙ. Мне просто интересно, вот и всё, Дашенька.

МОЛЧАНИЕ.

ДАРЬЯ. Андрюшенька, дак салон мой закрывается. Выношу платья все на помойку. Мне приказано завтра съесть, потому что полгода не плачено за аренду.

АНДРЕЙ. Ну а почему сразу на помойку? Такие красивые платья... Может быть, нужно предпринять что-то другое?

ДАРЬЯ. Если в публичном доме дела идут плохо, то не кровати переставляют, а проституток меняют.

АНДРЕЙ. Что ты говоришь?

ДАРЬЯ. Ничего. А что ты посоветуешь мне сделать, милый?

АНДРЕЙ. Ну, продать кому-то это можно, нет?

ДАРЬЯ. А кому это турецкое говно с фальшивыми бриллиантами нужно?

АНДРЕЙ. Китайское, скорее. Это, конечно, беда и для России, и для всех нас на земле. Сейчас весь мир одевается в китайское...

ДАРЬЯ. Ну, турецкое, ну, китайское – куда его девать? В церковь бедным не отнесешь, в детский дом, в тюрьму тоже не надо. Что мне, сдать в бедные семьи свадебные платья, подарить им – в качестве издевки? Чтобы они платьями этим укрывались на ночь, что ли?

АНДРЕЙ. Ну, в театр в какой-нибудь отдай или продай.

ДАРЬЯ. В какой театр?

АНДРЕЙ. Ну, отдай в какой-нибудь драматический или музыкальный театр. В любительский, может быть. Можно им просто подарить, в качестве жеста доброй воли...

ДАРЬЯ. Я ненавижу театр. И что, я еще им жизнь буду улучшать моими платьями? Пусть сдохнут, играя. Насмотрелась я на театр в жизни. А ещё и не в жизни спектакли смотреть – стошнит.

МОЛЧАНИЕ.

А хочешь, могу тебе подарить пару мешков? Сколько в твою машину влезет? Ты ведь на машине?

АНДРЕЙ. Ну да, я на машине. Если ты серьезно, Дашенька, то мешка два я могу взять. Но я не обещаю, что я выручу деньги за них. Просто, в качестве подарка – я могу взять. Я даже не представляю, зачем. Но могу. Наверное, пригодятся в жизни?

ДАРЬЯ. Да, конечно, пригодятся! Возьми ради Христа! Чтоб уж было точно как в том анекдоте!

АНДРЕЙ. В каком это?

ДАРЬЯ. Ну, про алкаша. Не знаешь?

АНДРЕЙ. Я не любитель анекдотов.

ДАРЬЯ. А я любитель. Послушай. Поймал алкаш золотую рыбку. Первое желание у него было: «Рыбка, сделай так, чтобы речка стала водкой!» Рыбка сделала. Второе желание у него было: «Рыбка, сделай океан водкой!» Рыбка сделала и ждёт третье желание. Алкаш думал, думал, чесал репу, чесал. Ну нет у него желания больше! Говорит: «Ну, знаешь что, золотая рыбка, ну – поставь еще бутылку водки!»

МОЛЧАНИЕ.

АНДРЕЙ. Всё? Что-то не смешно.

ДАРЬЯ. Странно. А ведь похоже на тебя.

АНДРЕЙ. Слушай, ну хватит, а? Чморит и чморит меня. Что я тебе такого сделал? Ну, раз ты это всё равно выкидываешь, тебе же тогда, означает, всё равно – на помойку выкинуть или я себе возьму пару мешочков. Ну, вынеси на помойку, а я подъеду и заберу пару мешочков. Так лучше будет? Ну не всё ли равно? Ты сейчас на помойку понесёшь? Я могу помочь. Все эти мешки выносить? Или пару мешков вынести?

ДАРЬЯ. Я сама вынесу на помойку. А ты забирай вот эти или эти – да хоть все. Забирай уже. Все забирай.

Андрей подошёл к мешкам, роется.

АНДРЕЙ. Дашенька, а тут мужского ничего нет? Тут платья, перчатки, фата... О, трусики даже кружевные есть, беленькие... Какие симпатичные. Я возьму парочку, да? Я даже и не знал, что невестам полагается особое какое-то нижнее белье... Трусики, лифчики, ты посмотри, какие симпатичные... Белые, ажурные, тоже возьму... А что, и мужикам какие-то особые трусы полагаются на свадьбу? Смешно. А тут что?

ДАРЬЯ. Трусы мужские тут. С надписями.

АНДРЕЙ. С какими надписями?

ДАРЬЯ. Ну, с прикольными, юморными. Свадебные мужские трусы.

АНДРЕЙ. Не понимаю.

ДАРЬЯ. Ну, на них написаны страшно смешные слова: «Верен жене», «Налево запрещено», «Интим не предлагать, есть хозяйка», «Корень жизни», «Мальчик занят», «У нашего Виталия здесь важнейшие детали», ну и прочее...

АНДРЕЙ. Что, серьезно? Господи, сколько пошлости в русском народе появилось... Откуда это, не понимаю! Зачем это? Это где? В этом мешке?

ДАРЬЯ. В этом. Бери. Кушай, мамочка, опилки, я начальник лесопилки.

АНДРЕЙ. Можно забрать?

ДАРЬЯ. Ну конечно, забирай. Прощальный подарок.

АНДРЕЙ. Перестань так трагично.

Андрей роется в мешках, Даша смотрит на него. Молчат.

ДАРЬЯ. Ну а бизнес-то твой выправился или нет? А-а, я и забыла. Мне же бабы твои рассказали, что и не было никогда у тебя никакого бизнеса. Просто аферистничал и наворованное нёс в семью.

АНДРЕЙ. Я ни у кого ничего не воровал, Дашенька. Я у тебя что-то украл? Ты сама всё отдала. Вот сейчас, Дашенька, вот только что, ну посмотри правде в глаза: ты ведь отдаёшь мне вот эти трусики, лифчики, мужские трусы, ты сама отдаёшь, согласишься? И запомни эту минуту. А то ведь потом будешь говорить, что я что-то у тебя выкрал. Ну? Дашенька, мне двух детей воспитывать надо, мне очень сложно живётся.

ДАРЬЯ. А ты не пробовал поработать где-нибудь, Андрюша? Ну, куда-нибудь на какую-нибудь нормальную

работу устроиться не пробовал? И просто вот так вот, тупо, изо дня в день вкалывать и зарабатывать деньги? Нет, не было желания такого никогда?

АНДРЕЙ. А какой смысл, Дашенька? А зачем мне? Деньги сами собой как-то появлялись всегда. Дашенька, я красивый. А это тоже товар. Я им и торгую.

ДАРЬЯ. Кто красивый?

АНДРЕЙ. Я.

ДАРЬЯ. Кто это тебе сказал?

АНДРЕЙ. Все говорят. И ты говорила.

ДАРЬЯ. Да?

АНДРЕЙ. Да. Потом, второе: я очень сексуальный. Это тоже мне все говорят и говорили тоже раньше. Я хорош в постели. Ну, ведь так? Прости за цинизм, ты снова скажешь, что это статус «В контакте», но за всё, за всё, за всё, Дашенька, в жизни надо платить.

ДАРЬЯ. Ты прав. Ты ведь меня на десять лет моложе. А я уже – с ярмарки еду и рада, что хоть кому-то поглянулась.

АНДРЕЙ. Ну хватит.

ДАРЬЯ. Повелась, что сказать! Красавец, вдовец – как ты сказал. Вот я и повелась. И влюбилась. Я ведь на первой встрече с тобой заметила на руке у тебя след от обручального кольца и спросила: «Что это?» И ты сразу, как-то так сходу, заплакал, у тебя слезы как фонтаном полились, просто вот брызнули. Где тебя так научили? Ты заплакал и сказал, что жена твоя умерла и что ты вдовец. В расцвете сил умерла, ты сказал. Цветок мой увял, сказал. Господи, вот ведь правду говорят, что баба любит ушами. «Цветок увял!» – что может быть пошлее и гадче? Адище, маскра просто! А я и растаяла. Ну вот как так? Я ведь этих аферистов за километр всю жизнь чувствую, как я могла поверить?

МОЛЧАНИЕ.

Знаешь, почему поверила?

АНДРЕЙ. Дашенька, хватит. А что в этих мешках?

ДАРЬЯ. Ищи. Ройся. Что найдешь – всё твоё. Знаешь, почему поверила? Говорят, что дьявол – в деталях. Ну, вот я и увидела, что у тебя на пиджаке пуговица болтается на одной ниточке. И вот я, дура, от этой пуговицы с ума будто сошла. Подумала: бедный, какой бедный, какой несчастный, пуговку ему пришить некому! И всё, потекла, растаяла. Из-за пуговицы, это ж надо же, а?! Ну, а потом уж покатилося: столько ты мне врал, столько, а я всё верила. Сознание затуманилось просто. А ещё ты любил сесть со мной на кухне, хряпнуть рюмку коньяка и сразу начинал плакать.

АНДРЕЙ. Дашенька, ну, что же делать? Я не знаю. Может, у меня какая-то болезнь?

ДАРЬЯ. Какая у тебя болезнь?

АНДРЕЙ. Ну, аллергия на коньяк.

ДАРЬЯ. Да нет. Ты просто выучил, что карта слезу любит.

АНДРЕЙ. Что касасемо этого дела... Знаешь, я с детства, как только выпью коньяк, у меня сразу слезы бегут. Ну, не с детства, а с юности, так сказать. Я даже и не знаю – отчего. От вина не плачу, от водки тоже. А вот от коньяка... Как-то так близко слёзы от коньяка. Дашенька, у меня очень нелёгкая жизнь. Нет, это не аллергия. Мне крайне трудно. Вот эти трусы я себе заберу, ладно? Они на мне будут очень хорошо смотреться, скажи? Я буду как этот... ну как его?..

ДАРЬЯ. Плейбой.

АНДРЕЙ. Во-во, плебей, то есть плейбой. Ну, как правильно? Как ты сказала?

ДАРЬЯ. Да хоть как. Плейбой, плебей – какая разница?

АНДРЕЙ. В жизни очень важно найти основу – свою половинку. Надо стремиться к тому, чтобы её найти.

ДАРЬЯ. Да. Правильно. Вот этими статусами из «Контакта» ты меня и соблазнил. Это сейчас я вдруг вижу, как оно пошло, а тогда я думала: какой образованный, какой умный.

АНДРЕЙ. Ну, я и вправду достаточно образован...

ДАРЬЯ. Ну да. Три класса и школьный коридор – твоё образование. Ты просто дурак. Глупый дурак. Красивый, но дурак просто набитый. Альфонсера поганая.

АНДРЕЙ. Слушай, Дашенька, ну я, правда, всё вложил в дело, всё, что ты мне дала. В смысле деньги. Я начал новое дело. А что касается этого дела... Да, ты права. Я никогда не работал. Но вот решил заняться этим.

ДАРЬЯ. Чем?

АНДРЕЙ. Работой.

ДАРЬЯ. Ну, и что?

АНДРЕЙ. Ну и вот, вложил.

ДАРЬЯ. Да? Или я глухая, или лыжи не едут...

АНДРЕЙ. Я вложил всё в новое дело...

ДАРЬЯ. Экскаваторы продаёшь?

АНДРЕЙ. Ну, почти. Кастрюли алюминиевые. Тут один завод в области их производит. Хорошие такие кастрюли. Там директриса... Ну, неважно. Я ведь не знал, как это делается, и потому у меня что-то немножко не получается.

ДАРЬЯ. Какие к чёрту кастрюли?

АНДРЕЙ. И что касается этого дела... Я не смогу тебе всё вернуть. Слушай, ты меня тоже пойми, войди в моё положение. У меня дети, семья, две девочки, точнее, мальчик и девочка. Их на ноги надо поднимать, у тебя детей нет, и тебе не понять этого... Нет, тебе никогда не понять, что значит отцовство, материнство...

ДАРЬЯ. Дак – кто? Две девочки или мальчик и девочка?

АНДРЕЙ. Ну какая тебе разница?

ДАРЬЯ. Ага, оговорочка. То есть тут – две девочки, а где-то есть ещё девочка и мальчик. То есть кроме тех

девочек, как твоя жена говорила, двух крошечек, где-то ещё полк, отряд целый деток, ждущих от папы ням-ням.

АНДРЕЙ. Слушай, Дашенька, ну какая разница?! Девочка, мальчик. Мальчик, девочка. Ну, не имеет это значения. Пойми! Дети – цветы жизни. Дети – цветы на асфальте, понимаешь?

ДАРЬЯ. Понимаю. Да, кстати, совсем забыла. Я ведь беременна. Я не говорила тебе? Черт, выскочило из головы.

АНДРЕЙ. То есть как?

ДАРЬЯ. Ну, так. Не святым же духом.

АНДРЕЙ. Ну, знаешь, это уже слишком, и я к этому не имею отношения.

ДАРЬЯ. А кто к этому имеет отношение?

АНДРЕЙ. Ну, не знаю, с кем ты спишь или спала.

ДАРЬЯ. Да ни с кем, Андрюшенька. С кем я могла спать, кроме тебя? Я старая перхоть, кому я была нужна и кому я буду нужна?

АНДРЕЙ. Дашенька, я не знаю ничего. Я тут ни при чём. Я не знаю твою другую жизнь, вообще не знаю – что ты там делаешь или делала, когда я ушёл от тебя... То есть ты слишком доступная, Дашенька.

ДАРЬЯ. Как это?

АНДРЕЙ. Ну, так это. Мы тогда, полгода назад, в баре, когда познакомились, в первый вечер, в самый первый – помнишь? И ты меня сразу же утащила в постель к себе. Ты не помнишь? А я помню очень хорошо это, Дашенька, дорогая.

ДАРЬЯ. Я доступная? Я доступная?

АНДРЕЙ. Доступная, Дашенька.

ДАРЬЯ. Да я тогда влюбилась в тебя, идиот, в одно мгновение влюбилась!

АНДРЕЙ. Любовь движет сердцами миллионов, но не забывай, что она может бросить тебя в любой момент в грязь.

ДАРЬЯ. Что ты молотишь, ты, мой ласковый и нежный бред?!

АНДРЕЙ. А что касемо этого дела... Я думаю, Дашенька, тебе надо сделать аборт. Пока не поздно. Ну, Дашенька, согласишься, что ты не сможешь воспитать одного достойного гражданина нашей родины, России. У тебя нет к этому средств. Да и ты плохая мать будешь, я это чувствую. Ты слишком рассеянна...

ДАРЬЯ. Нет, доверчива.

АНДРЕЙ. Нет, ты рассеянна. Ты живёшь мгновениями, быстро вспыхиваешь, а потом так же быстро гаснешь... Тебе надо сделать аборт. Мой тебе совет. Денег на эту операцию я тебе, к сожалению, дать не смогу, как ты понимаешь...

ДАРЬЯ. Понимаю. С тобой ни своровать, ни покараулить.

АНДРЕЙ. Что? Да. Вот. Так что, Дашенька, выкручивайся сама. Знаешь что? Я вот тот костюм примерю, можно? Ты ведь и мужские костюмы будешь выкидывать на помойку? А это мой размер как раз. Я же вижу. Я примерю, да?

ДАРЬЯ. Примерь, конечно.

АНДРЕЙ. Слушай, Дашенька, я только сейчас заметил...

ДАРЬЯ. Что?

АНДРЕЙ. Ты почему так одета? Ты для чего вырядилась в свадебное платье?

МОЛЧАНИЕ.

ДАРЬЯ. Как странно: я смотрю на тебя и вдруг только через какое-то время вижу, что ты не так одет. А потом ты смотришь на меня и только через какое-то время спрашиваешь: «А почему ты так одета?» Знаешь, что это значит?

АНДРЕЙ. Что?

ДАРЬЯ. Что мы друг друга вообще не видим. А только себя видим.

АНДРЕЙ. Ну, ты без фанатизма давай. Почему ты так одета, спрашиваю?

ДАРЬЯ. Должна же я себя невестой почувствовать хоть раз в жизни.

АНДРЕЙ. Какие глупости. Театр. А говоришь: театр не любишь.

ДАРЬЯ. А вы говорите: «Мелкая речка Урал», Василий Иванович... Да. Удивительно. Я тысячи девок за эти десять лет наряжала в свадебные платья, столько их продала, этих платьев, а себе вот не удосужилась платье продать.

АНДРЕЙ. Дашенька, только не надо меня обвинять в том, что я разрушил твой бизнес. Ну при чём тут я? Не надо, прошу, с больной головы на здоровую. Ты все полгода, что я был с тобой, каждый день жаловалась, что свадебные платья и костюмы плохо продаются. Ну вспомни! А я слышал по телевизору, что сейчас в России стало на порядок меньше свадеб. Люди не вступают в брак. Потому что в девяностые женщины меньше рожали, да, да! Из-за кризиса. И сегодня в разы меньше людей, которые по возрасту могут считаться брачующимися.

ДАРЬЯ. Да?

АНДРЕЙ. Да, Дашенька, да! Стало гораздо меньше браков. Это научный факт. Так что не надо на меня валить всё. Я тут при чём? Надо валить на время, на страшное время, которое Россия с помощью Господа Бога Всевышнего и ангелов небесных каким-то странным образом проскочила. Проклятые девяностые. Вот как-то просто вот что-то её над пропастью пронесло, мою прекрасную Родину. Даже и не знаю, что. Ну, Россия всегда вставала с колен, несмотря ни на какие трудности, препятствия, препоны... Там померить можно костюм?

ДАРЬЯ. Там.

АНДРЕЙ. Может, взять вон тот в полоску лучше?

ДАРЬЯ. Бери какой нравится.

МОЛЧАНИЕ.

Какой же ты умный, а? Но словно камень.

АНДРЕЙ. Дашенька, это неправда.

ДАРЬЯ. Тебе меня – не жалко, про ребенка ему говорю – не слышит. Мимо ушей. Вот как так люди могут: вдруг будто отрубает себе что-то, все чувства, а?

АНДРЕЙ. Ну не надо, я ничего не отрубал. Это твой, так сказать, своеобразный взгляд на меня, в тебе говорит обида. Я понимаю, но что я могу сделать со своими чувствами?

ДАРЬЯ. Тебя, гляжу, Россия беспокоит. А вот я – нет. Я перед тобой стою. Нет, не беспокоит.

АНДРЕЙ. Ну, почему ты так говоришь? Конечно, беспокоит. Но что я могу сделать? Чем я могу тебе помочь? Дашенька, прекращай. Там можно померить костюм?

ДАРЬЯ. Видать, у тебя столько баб, что тебе едва ли не каждый день говорят про детей от тебя, и ты устал слушать это и пропускаешь мимо ушей, а главное – мимо сердца.

АНДРЕЙ. Хватит.

ДАРЬЯ. Так? Да так, конечно.

АНДРЕЙ. Дашенька, я тебя повеселю. Ты же говоришь, что ты любитель анекдотов? Ну вот, слушай. Сейчас в машине по «Камеди клуб» услышал. Я только «Камеди» слушаю, не могу новости. Там, в новостях, всё время: убили, застрелили, повесили или повесился. А «Камеди» смешные, с ними отвлекаешься от этой гадкой жизни... Пони-маешь?

ДАРЬЯ. Ну да.

АНДРЕЙ. Ну вот. Анекдот: мужик приходит к врачу на осмотр, тот его обследует и говорит: «Поздравляю, в вас

зародилась новая жизнь!» Мужик ему: «Но я мужчина, как так?!» А врач ему: «Я имею в виду, что у вас глисты!»

Андрей долго смеётся. Даша молчит.

Не смешно?

ДАРЬЯ. Жутко смешно.

АНДРЕЙ. Ну ладно, раз ты не в настроении, я пойду – померяю костюм там...

ДАРЬЯ. Померь, померь...

Андрей снимает с манекена костюм, уходит в примерочную, закрывает шторку, и кольца звякают по железной палке. Шебуршитесь там, за занавеской.

Манекен, с которого он снял костюм, постоял, постоял и вдруг упал.

Даша подошла, подняла его. Стоит, смотрит на манекен. Руки ему на плечи положила.

А что ты прячешься?

АНДРЕЙ. Ну, я тебя стесняюсь...

ДАРЬЯ. А-а. Ну да.

АНДРЕЙ. Я очень стеснительный, ты разве не заметила, Дашенька?

ДАРЬЯ. Конечно, заметила. Ты боишься меня, потому что думаешь, что я увижу тебя в трусах с прикольной надписью, возбужусь, наброшусь на тебя и изнасилую. Да?

АНДРЕЙ. Ну да. Ну, как тогда, в первый раз. Дашенька, ты же меня просто изнасиловала. Ну согласишься. Ты меня просто затащила в постель, и всё. Мне, по идее, надо было, так-то, утром написать в полицию заявление об изнасиловании. Ну, так-то да, согласишься?

ДАРЬЯ. Ну, так-то да.

АНДРЕЙ. Но я не написал, потому что, как я уже сказал выше, я очень стеснительный, мне было неловко об этом

сообщать в правоохранительные органы. Ну, так-то – да, надо было бы.

ДАРЬЯ. Ну, так-то да. Правильно.

АНДРЕЙ. Прикольно. А тут, оказывается, подклад шёлковый у пиджака...

ДАРЬЯ. Прикольно, да.

АНДРЕЙ. А в кармане платочек, чтобы его всунуть в кармашек на груди.

ДАРЬЯ. Ну, всунь.

АНДРЕЙ. Прикольно как.

ДАРЬЯ. Прикольно, да. А вы говорите: «Мелкая речка Урал!», Василий Иванович...

АНДРЕЙ. Ну хватит тебе...

Андрей за занавесками возится, примеряет костюм, напевает: «Милая моя, звёздочка лесная...»

Дарья курит.

Вытерла слезы, затушила сигарету, встала, смотрит в окно.

ДАРЬЯ. Надо же. Я до семи лет, пока в школу не пошла, была уверена, что мы живём в Москве. Очень странно. Думала: вот это, наш город, и есть Москва и мы живём в столице. Пришла в первый класс, а мне сказали, что мы живём совсем не в столице, а в жопе мира. И разрушили маленькой девочке все иллюзии.

АНДРЕЙ. Я не слышу.

ДАРЬЯ. Да и не надо. Я сама с собой. Как всю жизнь. Я одна. Я одна. Я всю жизнь одна. Господи, как я устала от одиночества. И за что мне это, за что? Все мои подружки замужем, у всех дети, у всех всё пучком, а я одна – как белая ворона. Масакра какая. Адище какой-то с моей жизнью. Почему я никому не нужна, почему меня никто не подберёт, не заберёт, не прижмёт к себе, не пожалеет, не погладит, не защитит, почему?

АНДРЕЙ. Я ничего не слышу, тут плотные шторы.

ДАРЬЯ. Я не тебе, я сама с собой.

АНДРЕЙ. Сама с собой? Ну ладно тогда.

ДАРЬЯ. Всю жизнь тяну ляжку, всю жизнь бита и бита, всю жизнь каждую ночь плачу в подушку и молю Бога, чтобы кто-нибудь меня подобрал бы и прижал к себе. Неужели я такая страшная, такая глупая, такая негодная Богу? Зачем тогда создал меня, зачем тогда я появилась на свет, сюда, зачем я мучаюсь, зачем мне жить, почему я не умерла сразу, как родилась?

АНДРЕЙ. Глянь в окно, стоит там машина моя? Я припарковался, но боюсь, что там нельзя, приедет эвакуатор, и машину заберут. Ты ведь у окна стоишь?

ДАРЬЯ. Я у окна стою.

АНДРЕЙ. Не приехал эвакуатор?

ДАРЬЯ. Нет, не приехал.

АНДРЕЙ. Ну, я сейчас.

Даша смотрит в окно, молчит.

Трамвай за окном прогрохотал.

ДАРЬЯ. Есть же где-то парень, мужик какой, которому так же одиноко и херово, как мне. Ну, где ты, ну приди, ну забери меня, а? Я тебе буду ноги мыть и юшку пить из того тазика, в котором я тебе ноги мыла, слышишь? Я всё-всё для тебя сделаю, только если я нужна тебе буду, если ты меня так же любить будешь, как я тебя стану любить. Слышишь, нет?

АНДРЕЙ. Я ничего не слышу.

ДАРЬЯ. Я не тебе.

АНДРЕЙ. А-а. Ну ладно...

ДАРЬЯ. Как я устала от одиночества. Столько дней, столько ночей, и никого на белом свете, ни одного человека, кому я нужна была бы, кому я была бы нужна. Господи, за что ты меня так мучаешь, за что?!

Молчит, слёзы вытирает.

Из примерочной вышел Андрей.

Он в красивом костюме, он улыбается, пиджак одёргивает.

АНДРЕЙ. Ну как? Нормально мне?

Даша подошла к нему, взяла его за руки. Они вдруг и вправду стали как жених и невеста.

Даша поцеловала Андрея. Улыбается.

ДАРЬЯ. Ну да.

АНДРЕЙ. Ну, ты давай, без фанатизма... Ну, так-то да, всё ведь нормально, нет?

ДАРЬЯ. Нормально. Конечно.

АНДРЕЙ. Ну и всё тогда?

ДАРЬЯ. Ну и тогда всё. Нормально. Нормалды. Иди. Иди давай. Иди. Детское время кончилось.

АНДРЕЙ. Можно прямо в этом костюме пойти?

ДАРЬЯ. Ну а что, нет?

АНДРЕЙ. Я тогда заберу куртку свою, одежду там всякую и положу в эти две сумки? Можно ведь, да?

ДАРЬЯ. Конечно, можно.

АНДРЕЙ. Я сумки заберу тогда, а? Ну, ты ведь сказала, что можно взять, что ты их на помойку выкинешь. Можно? Вдруг мне пригодятся в новом деле...

ДАРЬЯ. Конечно, можно.

АНДРЕЙ. Тебе же не надо теперь будет? Ты же не обидишься?

ДАРЬЯ. Не надо. Не обижусь.

АНДРЕЙ. Ну я пошёл тогда.

ДАРЬЯ. Иди. Забирай. Забирай всё. Иди.

Андрей берёт клетчатые сумки за ручки, тащит их с трудом, пыхтя, пятясь к двери.

Втискивает их в двери, машет рукой Даше, улыбается.

Дверь хлопнула.

Ушёл.

Даша стоит, молчит.

Слёзы вытирает, улыбается.

Темнота.

Занавес.

Конец.